

"Крайний случай"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Илья Туричин

КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ. Повесть-сказка про солдата

ИЛЛЯ ТУРИЧИН

КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА ПРО СОЛДАТА

ЛЕНИНГРАД „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1975

Не в тридесATOM царстве, тридесATOM государстве, а на нашей советской земле жила простая женщина Мария Ивановна. Была она сильною и статною. Глаза синие, как речная вода; коса длинная, будто сплетена из спелой пшеницы; а руки такие работающие, что все вещи их слушаются. Замесит тесто — оно в квашне на глазах подымается. Склонится над грядкой — сорная трава сама прочь из земли вылезает. Сядет на трактор — трактор так и заурчит от удовольствия.

Мужа Марии Ивановны кулаки убили. И вырастила она одна троих сыновей: Степана, Алёшу и Иванушку. Росли братья дружно, не ссорились, матери помогали. А к тому часу, с которого наш рассказ начнётся, старший, Степан, уже на границе стал служить, родную землю оберегать.

Средний — Алёша — хлеборобом, знатным комбайнёром стал.

А младший, Иванушка, — хоть в сказках Иванушек и дурачками называют, — самым способным в семье был, самым умным. Мечтал учёным стать.

Так бы счастливо и жила Мария Ивановна со своими сыновьями, если бы не война.

Светлым солнечным утром напали на нашу Родину фашисты. Солнце заволокло дымом. Засыпало пеплом поля. Реки помутились от крови и слёз.

Первым встретил фашистов пограничник Степан. Он тогда на посту с товарищем стоял. Видят: идут несметные полчища фашистов, будто тучи саранчи.

Залегли Степан с товарищем за камнем и давай по фашистам стрелять. Стреляли, пока патроны не вышли. А потом поднялись во весь рост и ну штыками колоть! И погибли в неравном бою как богатыри.

Узнала мать о гибели Степана, засеребрилась в её косе седина, поблёкли глаза от слёз.

Снарядила она на войну второго сына — Алёшу. Стал Алёша танкистом. Храбро дрался. Но удалось фашистам поджечь Алёшин танк. Бросились наши солдаты к горящему танку, чтобы Алёшу спасти, а танк — пустой. Нет там Алёши. А куда делся — неизвестно.

Пришло матери письмо, что пропал её второй сын без вести.

Совсем серебряной стала её коса. Совсем блёклыми глаза, будто вся синева их слезами вышла.

Собрался на войну младший, Иванушка, — его черёд.

До зорьки поднялась мать, хлопотала у печи, испекла из ржаной муки каравай хлеба. А как надел Иванушка солдатскую шинель и стал прощаться с матерью, подала она ему каравай и сказала:

— Народ тебя, Иванушка, и оденет, и накормит. А всё ж возьми материнский хлеб. На самый крайний случай.

Взял Иванушка в руки каравай, бережно разломил пополам. Одну половину матери вернул, вторую обернул в чистую холстину и положил в свой мешок. Поцеловал мать и шагнул за порог.

С этого-то места и начинается рассказ про солдата Ивана.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой рассказывается о том, как Иван «жар-птицу» поймал

Однажды Ивана вызвал к себе Генерал.

Начистил Иван сапоги, поправил ремень на гимнастёрке. Хоть и война, а солдат всегда должен быть аккуратным, подтянутым. Явился к Генералу.

— Здравия желаю, товарищ Генерал.

— Здравствуй, Иван. Слышал я о твоём старшем брате, пограничнике Степане. Героем был Степан. Воевал я вместе с твоим средним братом, танкистом Алёшей. Героем был Алёша. Теперь и для тебя есть дело трудное и опасное. Скоро начнётся наступление. Нужно «языка» добыть. Только не простого фашиста, а «жар-птицу» — фашистского офицера, чтобы побольше знал, побольше рассказать мог.

— Слушаюсь, товарищ Генерал.

— А ты не спеши с ответом, Иван. Подумай. Может, на смерть идёшь.

— На то я и солдат, своим старшим братьям брат, — ответил Иван.

Стал он готовиться к походу в фашистский тыл. Попросил у старшины мешок, положил туда верёвку, четыре десятка гвоздей да четыре дощечки. Удивился старшина тому снаряжению, но что за чем, спрашивать не стал — сам Генерал приказал выдать Ивану, что ни попросит.

Надел Иван пёстрый маскировочный халат, чтобы не так заметным быть. Взял автомат. Положил краюшку материнского хлеба за пазуху и, как солнышко село, попрощался с товарищами.

Через линию фронта нелегко пробираться. Всюду фашистские глаза да фашистские уши. Пули свистят. Мины рвутся. Надо то ползти, как ящерица, то взлетать по-птичьи, то падать на землю камнем, то замирать деревом. Но прошёл Иван через фронт невидимым, неслышимым, будто тень облачка через поле.

К рассвету на дорогу вышел. Огляделся. Кругом ели могучие стоят. Глушь. А дорога наезжена. Самое подходящее место для засады.

Достал Иван из мешка гвозди, дощечки да верёвочку. Набил гвоздей в дощечки так, что дощечки колючками, как ежики, стали. Связал «ёжиков» верёвочкой в цепочку. Грязью вымазал, чтобы не белели. Разложил аккуратно в траве на обочине. Верёвочку через дорогу протянул, а сам спрятался в кустах. Сидит. Ждет. Конец верёвочки в руках держит.

Загремел на дороге фашистский танк.

Пропустил его Иван мимо. «Не про меня добыча».

Протарахтел тяжёлый грузовик с брёвнами. «И эта не про меня».

Показалась из-за поворота легковая машина. Чёрным лаком блестит.

Насторожился Иван. Уж не в этой ли машине «жар-птица» сидит? Потянул за верёвочку. Из травы послушно выползли четыре «ёжика» и легли поперёк дороги.

Наехал на них автомобиль.

Трах-трах... Лопнула шина.

Выскочили из автомобиля двое фашистов. По-своему, по-фашистски, ругаются. За ними третий показался. Над губами тонкие усики. Фуражка высокая. Погоны блестят.

«Ты-то мне, господин «жар-птица», и нужен», — подумал Иван. Выскочил из кустов, поднял автомат.

Та-та-та-та!..

Два фашиста свалились как подкошенные.

Скомандовал Иван офицеру:

— Хенде хох! Руки вверх!

Офицер побледнел, залопотал что-то, схватился за кобуру, стал пистолет вытаскивать.

Нахмурился Иван:

— Нехорошо, господин «жар-птица»!

Стукнул офицера легонько по голове кулаком. Тот и рухнул на землю без памяти.

Сунул Иван офицера в мешок, завязал верёвкой. Машину поджёг, чтобы больше на ней фашисты не катались. Ввалил мешок на плечо и скрылся в лесу.

Ночью линию фронта перешёл. Явился к Генералу чуть живой от усталости. Положил перед ним мешок, развязал.

— Ваше приказание выполнил, товарищ Генерал. Раздобыл «жар-птицу».

Вылез фашистский офицер из мешка злой, как собака побитая. На Ивана не глядит.

Похвалил Генерал Ивана:

— Проси, — говорит, — любую награду за подвиг.

Вытянул Иван руки по швам. Отдал Генералу честь.

— За доброе слово спасибо, товарищ Генерал. А награды мне никакой не надо. Я для народа, для Родины жизни не пожалею. Служу Советскому Союзу!

Вернулся Иван к своим товарищам. А те глядят на него и головами качают.

— Чего вы на меня так смотрите?

— Да вроде бы ты вырос. Длиннее стал.

— Чепуха, — говорит Иван. — Это только в сказках не по дням, а по часам растут.

— А ну-ка, давай померяемся, — предложил один из солдат, Николай. — Мы с тобой в строю рядом стоим, вроде одного роста.

Стали Иван и Николай спинами друг к другу. Что за чудеса! Иван на целую голову выше.

— Вот так да! Выходит, ты не по дням, а по делам растёшь! — засмеялся Николай. — А может, ты и есть Иванушка из сказки?

— Нет, — сказал Иван. — Я не из сказки, я — обыкновенный Иванушка.

Достал он из-за пазухи холстину с краюшкой материнского хлеба, развернул, а краюшка свежая, будто сейчас из печи. Подивился Иван. Задумался. Мать вспомнил. А товарищам ничего не сказал про хлеб. Ещё засмеют, что краюшка вдруг свежей показалась!

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой появляется Фриц — Рыжий лис

А в это время у фашистов началась паника. Тревожно звенели телефоны. Мчались во все стороны связные.

Искали пропавшего офицера.

Офицер-то и в самом деле оказался не простым, а самым любимым адъютантом фашистского Фельдмаршала.

Сам Фельдмаршал лежал на походном диване в своём походном кабинете, то и дело хватался за обмотанную мокрым полотенцем голову и визгливым бабьим голосом причитал:

— Где мой любимый адъютант? Найдите сейчас же моего любимого адъютанта! Я не могу воевать, когда пропадают мои любимые адъютанты!

Тут возник возле его походного дивана Начальник разведки и контрразведки. Он всегда появлялся и исчезал бесшумно, как змея.

Фельдмаршал вздрогнул:

— Опять вы меня напугали!

Начальник разведки и контрразведки согнулся пополам:

— Прошу прощения.

— Ну, нашли, наконец, моего любимого адъютанта?

Начальник разведки и контрразведки свернулся в клубок, только голова его, длинная и лысая, осталась торчать из воротника мундира.

— Нашли, — ответил он печально. — Но, господин Фельдмаршал, вашего любимого адъютанта не вернуть — он у русских.

— Что-о-о?! — завизжал Фельдмаршал так, что звякнули стёкла.

Начальник разведки и контрразведки спрятал голову в воротник мундира.

— Его захватил русский солдат, по имени Иван.

Фельдмаршал вскочил, затопал ногами:

— Поймать! Расстрелять! Повесить!

Начальник разведки и контрразведки вытянулся и стал похож на длинного-длинного червяка.

— Слушаюсь, господин Фельдмаршал!

Он хлопнул в ладоши, и в комнату вошёл рыжий солдат, похожий на обезьяну.

У солдата были кривые ноги и длинные руки, заросшие шерстью.

Обычно у рыжих людей много веснушек.

Это солнышко метит их за то, что волосы у них золотые, как солнечные лучи.

А у этого рыжего фашиста лицо было бледным, без единой веснушки: солнце не любило его.

Звали фашиста Фрицем. Но за то, что он был очень жестоким, хитрым и коварным, его прозвали Фриц — Рыжий лис.

— Фриц, — важно сказал Начальник разведки и контрразведки. — Сам господин Фельдмаршал приказывает тебе не знать покоя ни днём ни ночью. Изловить, расстрелять, повесить русского солдата Ивана!

Фриц — Рыжий лис топнул ногой, поднял руку и крикнул:

— Хайль!

— Вперёд, мой любимый, храбрый Фриц! — с чувством сказал Фельдмаршал.

И Фриц отправился ловить Ивана.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой фашистские танки идут в наступление, а Иван попадает в беду

Целую неделю Фриц — Рыжий лис околачивался на передовой. Сидел в окопах. Лежал в воронках. Ползал по кустам. Всё высматривал да вынюхивал, всё прикидывал, как бы заманить Ивана в ловушку!

А через неделю пришёл к Начальнику разведки и контрразведки:

— Придумал, господин Начальник. Бросим в наступление танки и побольше автоматчиков. Пусть они прорвутся к русским в тыл. И я с ними пойду. Окружим русских — поймаем Ивана.

Так они и сделали.

Перед рассветом двинулись танки в атаку. Залыгали гусеницами, загремели пушками, защёлкали пулемётами. На танках — автоматчики и Фриц — Рыжий лис.

А Иван и его товарищи в это время спали.

Вдруг:

— Тревога!

Вскочили солдаты.

Секунда — и надеты сапоги.

Вторая — шинели и каски.

Третья — автоматы в руках!

А Иван — впереди всех.

— Та-анки! — протяжно крикнул наблюдатель.

— Задержать их надо, ребята, — сказал лейтенант— командир взвода.

— Давайте гранаты, — обернулся Иван к товарищам.

Взял протянутые ему гранаты, связал вместе и со связкой гранат пополз навстречу первому танку.

Страх живёт в любом человеческом сердце. Даже в сердце храбреца. Но трус поддаётся страху, а храбрец— никогда!

Злобно, будто зубы чудовища, лязгали гусеницы танка. Фашистские пули расклёвывали землю. Но, когда до фашистского танка осталось всего несколько метров, Иван приподнялся и бросил под его гусеницу связку гранат.

Танк завыл, завертелся в бессильной ярости и вспыхнул. Спрыгнули с танка автоматчики, а с ними и Фриц — Рыжий лис.

— Вперёд! — закричал он. — Вперёд! — А сам заметался между танками в поисках Ивана. Он был уверен, что Иван где-то здесь, среди самых храбрых храбрецов.

А Иван распластался на земле, раненный осколком, Силы его убывали. Он с трудом поднял голову, чтобы попрощаться с голубеющим небом и с зелёной травой. Увидел товарищей, которые ползли навстречу другому танку. Прижал слабеющей рукой к сердцу краюшку материнского хлеба и уронил голову на сырую от утренней росы землю.

Уже второй танк вспыхнул, третий, четвёртый... Несколько раненых солдат лежали на земле.

Фриц — Рыжий лис приказал схватить их всех. Если даже Ивана и не окажется среди пленных, можно выпытать у раненых, где Иван, где его искать.

Автоматчики схватили раненых солдат и уволокли в свои окопы. Так Иван и четверо его товарищей попали в беду.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Фриц — Рыжий лис рано радуется

Заперли пленных в подвале разрушенного дома. У дверей и окон поставили часовых. И даже наверху, в комнате с выбитыми рамами, посадили автоматчика. Боялись, что раненые советские солдаты как-нибудь умудрятся разобрать потолок и убежать.

А Иван, Николай и трое других раненых разорвали рубашки на полосы, перевязали друг другу раны. Потом тесно прижались друг к другу, чтобы было теплее, и стали думать, как бы вырваться из плена.

Очень хотелось пить и есть. Иван нащупал за пазухой краюху материнского хлеба. Снова хлеб показался ему мягким.

«Может, это и есть крайний случай? — подумал Иван. — Может, время разделить краюшку на пять долек и съесть?»

Но тут пришли за ними автоматчики и повели на допрос.

В углу пустой комнаты за кухонным столом сидел Фриц — Рыжий лис. Он немного трусил, поэтому вдоль стен поставил автоматчиков. Они готовы были в любое мгновение поднять стрельбу.

— Гляди, ребята, сколько почёту, — усмехнулся Иван.

— Молчать! Не разговаривать! — крикнул Фриц — Рыжий лис. — Кто есть из вас Иван?

Пленные не отвечали.

Фриц — Рыжий лис нахмурился.

— Я спрашиваю: кто есть Иван?

— Мало ли что ты спрашиваешь. А мы отвечать не будем. Ты сперва нас накорми и напои. А потом уж спрашивай, — спокойно сказал Иван и подмигнул товарищам, которые поддерживали его под руки.

Если бы Иван твёрдо стоял на ногах, Фриц — Рыжий лис сразу угадал бы, что он и есть Иван. По росту. Ведь когда Иван подбил фашистский танк, он стал ещё выше.

— Накормить? Напоить? — выпучил глаза Фриц — Рыжий лис.

— А что? — сказал Николай. — Не худо бы сейчас похлевать щей.

— И помять ложкой кашу, — продолжал его сосед.

— И запить чайком, — откликнулся третий, с перевязанной головой.

— Вприкуску или внакладку? — спросил Иван.

— Впри-ку-ку-ску, — закончил пятый, который заикался от контузии.

Они были слабы и голодны, но у них ещё хватало сил поиздеваться над сытым Фрицем.

А Фриц — Рыжий лис был жестоким, хитрым и коварным, но не отличался умом. Он не понял, что раненые пленные издеваются над ним. «Иван глуп, — подумал он. — Накормлю его, напою, он и раскиснет. Тут я его и схвачу, и повешу».

И Фриц — Рыжий лис велел принести пленным поесть.

Щей, конечно, фашисты варить не умели. Каша у них была сухая. Из краденого пшена. Вместо чая — чуть тепленькая водичка. Но голодные солдаты не торопясь принялись за кашу.

— Давно не видел такого дурака, как этот рыжий, — сказал Иван товарищам, обливав ложку.

— Что ты там бормочешь? — спросил Фриц — Рыжий лис из своего угла.

— Спасибо, говорю, за угощение.

— А-а-а-а... Ну, поели, попили, теперь отвечайте: который из вас Иван?

— А после обеда у нас тихий час полагается, — сказал Иван.

Фриц — Рыжий лис чуть не подавился собственным языком. Понял, что провели его русские. Не надо было их кормить, надо было голодом морить!

— Всех по одному повешу! — заорал он. Ткнул пальцем в Ивана, как в самого слабого. — Хватайте этого!

Бросились автоматчики к Ивану. Схватили. Поволокли к двери.

— Стой! — крикнул Николай. — погоди! Так всех и перевешаешь?

— Так всех и перевешаю, — сказал Фриц — Рыжий лис.

— А ежели я тебе Ивана выдам? Только одного Ивана повесишь?

— Только одного Ивана. А тебе — награда. Будешь жить не тужить. Денег тебе дадим. В Германию поедешь. А там молочные реки текут в кисельных берегах. И острова на тех реках из манной каши с изюмом! — быстро-быстро забормотал Фриц — Рыжий лис. И закатил глазки, показывая, как хорошо там будет житься.

— Ладно. Выкатывай глаза обратно, — сказал Николай. — Гляди. Я — Иван. — И он шагнул вперёд.

— А-а-а-а, — взвыл от радости Фриц — Рыжий лис. — Попался!

— Да врёт он, — сказал сосед Николая. — Киселя ему шибко захотелось. Я — Иван.

И он тоже шагнул вперёд.

— Нет, Иван — это я, — сказал третий солдат, с перебинтованной головой.

— Я — И-иван. Это уж т-точно, — шагнул вперёд контуженный.

— Все врут, — весело сказал Иван. — Все знают, что Иван — это я!

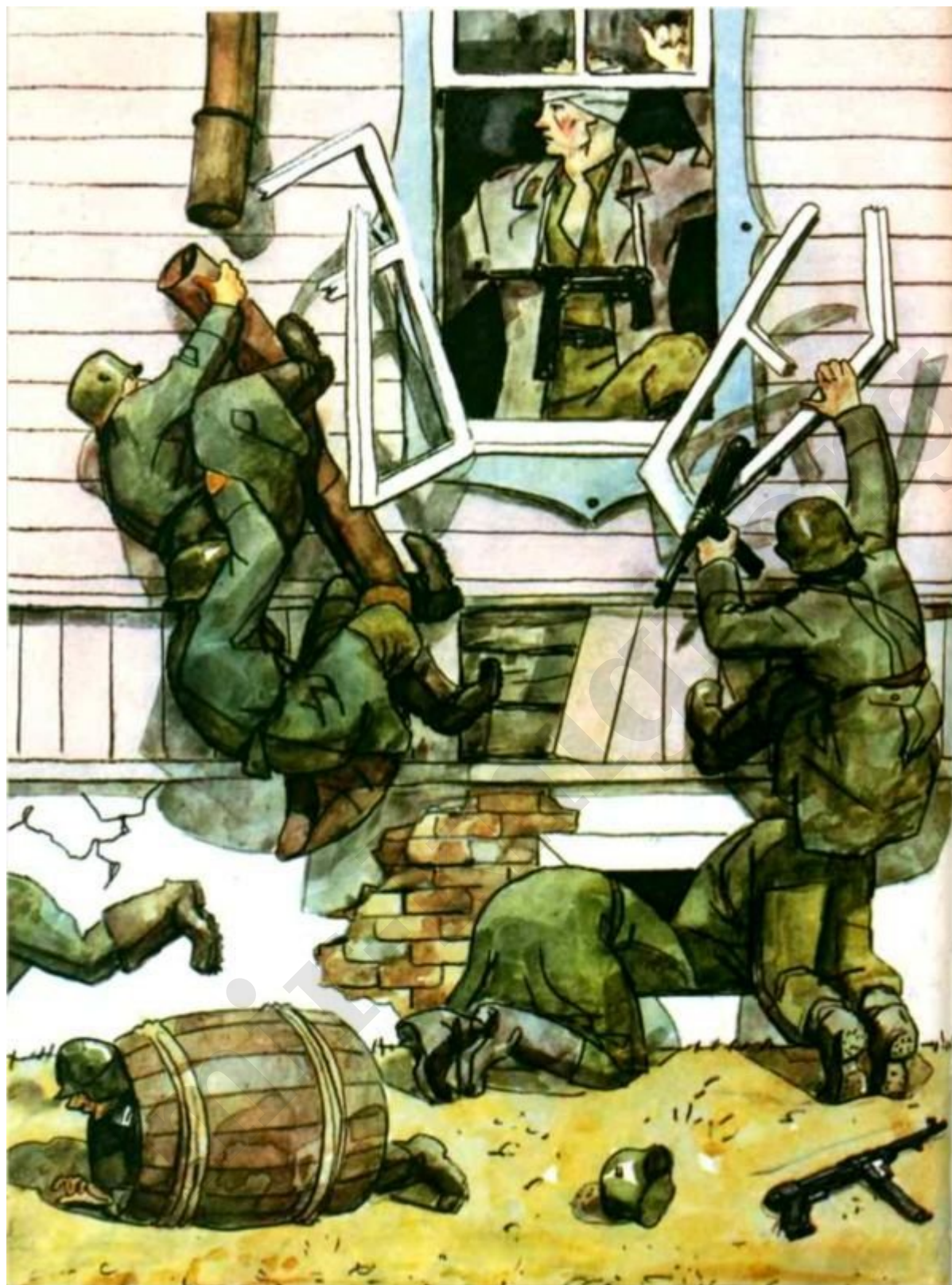
Тут Фриц — Рыжий лис чуть не заплакал от досады. Схватил графин с водой и об пол — бац!

Один из автоматчиков, что близко от Фрица стоял, испугался, пальнул в потолок. Посыпалась штукатурка.

В ответ за окном стрельба началась.

Фриц — Рыжий лис, съёжившись, под стол полез. Спасаться.

Тут Иван сшиб с ног фашиста, который его за руку держал, вырвал у него автомат. Выбил ногой оконную раму, выглянул наружу. Все фашисты попрятались кто куда. Только пули свистят.

Крикнул Иван товарищам:

— В окошко! Прорвёмся!

Налетели они на автоматчиков. Отняли автоматы и с автоматами в руках выскочили вслед за Иваном в окошко.

Увидел их какой-то фашист. Каску руками закрыл от ужаса да как заорёт истощным голосом:

— Русские штаб захватили!

Тут паника ещё больше поднялась. Совсем фашисты обезумели. Палят куда попало.

А Иван повёл товарищей к лесу. Бегут солдаты, торопятся. И про раны свои забыли. Потому что нет для человека ничего дороже свободы.

А Фриц — Рыжий лис вылез из-под стола. Трясётся. Подбежал к окну. Закричал:

— Победа! Победа! Перестаньте стрелять! Русские уже удрали!

Тут только перестали фашисты стрелять. Кто жив остался, из щелей выползает, как тараканы ночью. Обнимают друг друга, поздравляют. Будто и в самом деле в сражении врага победили.

Прикатил Начальник разведки и контрразведки. Спрашивает:

— Что тут за стрельба была?

Фриц — Рыжий лис правду не стал говорить — неприятностей не оберёшься! Решил схитрить.

— Напали русские. Пленных отбили. Но мы храбро сражались. Сто их солдат, нет, двести солдат убили.

— А где же убитые?

— Русские своих убитых с собой унесли, — соврал Фриц — Рыжий лис.

За этот беспримерный подвиг Фрица — Рыжего лиса и того автоматчика, что первый с испугу стрельбу поднял, когда графин разбился, наградили железными крестами.

— А где ж Иван? — спросил Начальник разведки и контрразведки.

— Иван, господин Начальник, далеко не уйдёт. Кругом колючая проволока. Её зубами не перегрызёшь!

И Фриц — Рыжий лис, прихватив с собой собак и автоматчиков, бросился в погоню.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой и колючая проволока не преграда

Иван и его товарищи между тем шли и шли без передышки. Поддерживали друг друга. Молчали, чтобы сил не тратить на разговоры.

Впереди показался просвет — лесная вырубка, а вдоль вырубки тянулись густые сети колючей проволоки в несколько рядов.

Подошли. Попробовали подползти под проволоку. Невозможно. Перерезать? Нечем.

Приуныли солдаты.

А уж собачий лай слышен.

Погоня приближается.

Оглядел Иван проволоку, подумал и говорит:

— Всё равно перейдём!

И навалился на проволоку грудью.

Впились в его тело колючки. Стиснул Иван зубы.

— Переходите, — говорит, — на ту сторону по мне. Один за другим пошли товарищи по спине Ивана.

Ещё сильнее впились колючки в его тело. Четвёртый солдат спрыгнул на ту сторону проволоки, а Иван лежит, двинуться не может. Собачий лай уже совсем рядом.

— Слезай, Иван!

— Не могу. Держат колючки. В лес уходите скорее!

— Без тебя не уйдём, — сказал Николай.

Легли товарищи на землю. Автоматы на изготовку взяли.

— А-га! — крикнул из кустов Фриц — Рыжий лис. — Попался, Иван! Теперь не уйдёшь. Хватайте его!

Выскочили из лесу собаки.

Одна собака подпрыгнула, ухватилась за Иванову штанину.

«Что ж, так и ждать, пока собаки ноги отгрызут?»— сердито подумал Иван и рванулся из последних сил.

Не выдержали колючки — отпустили.

Свалился Иван прямо к товарищам.

Фриц — Рыжий лис даже тьякнул по-собачьи.

— Стреляйте, — кричит, — в Ивана!

Поднял автомат и сам выстрелил Ивану прямо в грудь. Выстрелил и увидел, как пули от Ивановой груди отскочили.

Не знал он, что за пазухой у Ивана, возле сердца, краюшка материнского хлеба лежит. Стала она в тот миг крепче брони. И смертоносные пули отскочили от нее, как сухие горошинки.

Пока Фриц — Рыжий лис моргал глазами от удивления, Иван и его товарищи скрылись в кустах. Заметался Фриц возле колючей проволоки. Под проволоку не подлезть. Перерезать её нечем.

Крикнул автоматчиком:

— Железный крест тому, кто на проволоку ляжет!

Куда там! Даже собаки хвосты поджали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой у Ивана появляются новые друзья

Солнце село. Темно стало в лесу. Тихо. Иван поторапливает товарищей.

Шли долго.

Потом под ногами захлюпало. Болото.

— Придётся подождать рассвета, — вздохнул Иван.

Отыскали солдаты сухое местечко под деревом, да так и повалились от усталости.

Контуженный сказал тихо:

— С-сейчас бы п-поесть ч-чего.

— Да-а-а, — откликнулся Иван. — Ещё спасибо, рыжий накормил.

Все заулыбались, хотя очень устали и раны болели.

Нащупал Иван краюшку за пазухой. Вздохнул. Нет. Не крайний ещё случай... Ягод можно поесть... Воды напиться.

— Давайте спать по очереди. Я первый посторожу.

Задремали товарищи. А Иван глаз не смыкает, слушает, как лес шумит.

Под утро зашептались деревья: вершины их первыми видят, как небо светлеет, и всему лесу говорят об этом. Потом птицы загомонили, стали с утренней зорькой здороваться.

«Пора товарищей будить», — подумал Иван. Только хотел он сказать «подъём», как неподалёку ветка хрустнула. Не под птицей, не под зверем, под человеческой ногой.

Поднял Иван автомат.

— Положь автомат. Не балуй, — сказал кто-то строгим басом. — Кто такие?

— А ты кто? — спросил Иван громко, чтобы товарищей разбудить. — Не вижу тебя.

— А чего на меня смотреть? Может, я тень от дерева, может, роса на траве. Пятеро вас?

— Ну...

— Не нукай. Не запряг. Как тебя в школе учили отвечать? «Да. Нас пятеро».

Проснулись товарищи Ивана. Ворочают головами со сна, не поймут: с кем это Иван разговаривает?

— А вы, часом, не те ли пять Иванов, что вчера переполох наделали? — спросил бас.

— Где переполох? Какой? — притворился Иван.

— Не по вашему ли следу собаки идут?

— Да что ты всё спрашиваешь? Сам ответь, кто ты такой? А не то!.. — Иван снова сердито вскинул автомат.

— Ай-ай-ай... Опять балуешь, чудака-человек... Ведь мне-то вас лучше видать, я-то вас скорее перестрелять могу.

Опустил Иван автомат.

— Твоя правда. Выходи на свет. Может, столкнемся.

— Ну, гляди не испугайся, — сказал бас.

Дрогнули кусты, и вышел из них маленький, сухонький старичок. Борода седая, усы от табака жёлтые. На ногах сапоги высокие. На голове — шапка-ушанка. За плечом охотничье ружьё — двустволка.

Увидели Иван и его товарищи старичка, засмеялись.

— Ага! — прогудел старичок густым басом. — Не бойтесь, значит. Храбрые.

— Здравствуй, дедушка, — сказал Иван. — Как тебя звать-величать? Откуда идёшь? Что в лесу позабыл?

— Зови меня Дед-Столет, не ошибёшься. Откуда иду — отсюда не видать. А потерял я в лесу добрых молодцев, не сморчков, не старичков, а лесных боровичков. А вы кто будете, далеко ли собрались?

— Солдаты мы, — сказал Иван. — Попали фашистам в лапы. Да вот ушли. Идём солнцу навстречу.

— Ясно-понятно. Очень приятно. Вас-то я и жду.

— А откуда ж ты про нас знаешь? — удивился Иван.

— По радио передали, по фашистскому, чтобы все части ихние выставили дозоры и засады, ловили пятерых русских Иванов, которые будут к фронту пробираться. А мы — партизаны. Вот меня с добрыми молодцами и послали вас перехватить и в отряд препроводить. В наш. В партизанский.

— А где ж твои добрые молодцы?

— Все здесь, — ответил дед. Сунул два пальца в рот да как свистнет.

Дрогнули кусты вокруг, и вышли из них двенадцать добрых молодцев. Усатые и безусые. Один другого статнее.

— Вот мои добрые молодцы, внуки мои и правнуки, — гордо сказал Дед-Столет. — Однако пора от собак уходить.

Хотел Иван с земли подняться — не смог, ослабел. И товарищи его встать не могут.

Подошёл к Ивану самый молоденький из молодцев. Ловко перевязал его рану. А руки у молодца маленькие и белые, будто девичьи. Глаза синие, большие, ласково глядят из-под длинных ресниц.

— Спасибо, — сказал Иван. — Как звать тебя, паренёк?

Покраснел паренёк, отвёл глаза и ответил:

— Алёнушкой.

— Нынче все воюют, — строго сказал Дед-Столет. — Старые и малые. Ребята и девчата. Весь народ. — И скомандовал — Берите гостей под руки. И— в путь!

Взяли партизаны солдат под руки, помогли на ноги встать.

Двое самых высоких Ивану плечи свои подставили. Оперся на них Иван.

Партизаны рядом с ним маленькими показались, будто молодые дубки рядом с могучим дубом.

— Здоров вымахал, — с уважением сказал Дед-Столет и голову запрокинул, чтобы Ивану в лицо глянуть.

— Он у нас, как в сказке: не по дням, а по делам растёт, — сказал Николай.

Повёл Дед-Столет солдат через топи-болота, через ручьи и речки, лесами да перелесками. Повёл тропками нехожеными, кочками неприметными, где ни пешему, ни конному дороги нет.

И привёл в партизанский лагерь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой мы будем радоваться вместе с Иваном

Собрались партизаны вокруг солдат. Накормили-напоили. Расспрашивают.

Потом Дед-Столет говорит:

— Сейчас я вас командиру представлю. Только так: лицо его увидите — не удивляйтесь и виду не подавайте. Лицо у него обожжённое. И он своего лица не знает, потому что мы все зеркала в лагере попрятали.

Спустились солдаты вслед за дедом в штабную землянку.

В землянке тепло. В печке дрова потрескивают.

За самодельным столом сидит человек в военной гимнастёрке. Лицо у него всё в шрамах от ожогов. И руки — в шрамах.

— Здравствуйте, товарищи, — сказал человек. — Вы и есть пять Иванов, за которыми фашисты охотятся? Знать, крепко им насолили!

Показался Ивану голос будто знакомым.

— Насолить не насолили, а уйти среди бела дня — ушли.

— Ишь как, — засмеялся партизанский командир. — Так запросто и ушли?

И смех показался Ивану знакомым. Где же он его слышал?

— Запросто не запросто, а стрельба была, — отвечает, а сам в командира всматривается.

И командир на Ивана глядит внимательно.

— А стрельба, говоришь, была? — и по лбу ладонью провёл.

И жест этот тоже знакомый.

Дрогнуло сердце у Ивана, шагнул он к командиру.

— Алёша, — сказал тихо. — Алёша, брат...

И командир — к Ивану:

— Иванушка!

Обнялись братья и замерли.

И все, кто в землянке был, замерли. Даже дрова в печке потрескивать перестали.

Так постояли братья в тишине, может, минуту, а может, час.

Кто-то всхлипнул.

Дед-Столет глаза бородой утёр.

И все тихонько из землянки вышли. Оставили братьев одних.

Алёша рассказал, как выскочил из горящего танка и отполз в кусты. Как нашли его внуки Деда-Столета. Принесли в свою деревню. Спрятали. Выходили.

Стали вспоминать они старушку мать, места родные, старшего брата своего Степана.

А потом Алёша спросил:

— Скажи мне прямо, Иван. Очень у меня страшное лицо?

— Лицо как лицо. Обгорелое немного. И без бровей проживёшь.

Улыбнулся Алёша:

— Все зеркала от меня в лагере попрятали. А я в ковшик с водой гляжусь. К новому своему лицу привыкаю.

Тут кто-то тихонько постучался в дверь. И обожжённое Алёшино лицо вдруг преобразилось,

разгладилось, и глаза засияли ласково.

— Входи, — сказал Алёша.

Дверь отворилась, и вошла Алёнушка с котелком в руках.

— Обед принесла, товарищ командир.

Голос у Алёнушки — как колокольчик.

Поставила Алёнушка на стол котелок, ложки, хлеб, соль.

— Спасибо, Алёнушка, садись с нами, — пригласил Алёша.

Алёнушка ломаться не стала, присела к столу.

Тут достал Иван из-за пазухи краюшку. Положил на стол.

— Вот. Мать этот хлеб испекла. На крайний случай. А хлеб тёплый, будто сейчас испечённый, и пахнет от него ржаной мукой, парным молоком и лаской материнских рук.

Склонился над краюшкой Алёша, и страшные шрамы от ожогов на его лице будто стали незаметнее. Поцеловал он краюшку, смахнул с глаз непрошеную слезу, сказал:

— Дорогая память. Береги, брат, до крайнего случая.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Иван и Фриц — Рыжий лис побывают у Фельдмаршала

До первого снега гостили солдаты у партизан. Поправились, окрепли. Стали в путь собираться: на фронт, свою часть искать.

Как раз в это время наши войска на фронте начали большое наступление. Забегали фашисты. Засуетились. Стали свои части с места на место перебрасывать — «кулак» готовить, чтобы наступление остановить.

Получил командир партизанского отряда Алёша приказ: разведать, что за «кулак», велик ли и где его собирают?

Позвал Алёша Ивана:

— Не хотел я тебя отпускать, Иванушка. Да, видно, не удержишь солдата в лесу, как сокола на ниточке. Идите к своим на фронт. Деда-Столета даю вам в проводники. Только сперва разведайте, что за «кулак» фашисты готовят, велик ли и где его собирают.

— Ясно, — ответил Иван. — Эти сведения лучше всего в фашистском штабе добыть. В городе Инске.

Быстренько собрались солдаты в дорогу. Попрощались с партизанами. Поблагодарили за теплоту и ласку.

На вторые сутки привёл Дед-Столет солдат к городу Инску. Оставил их в овражке. А сам пошёл в город — с подпольщиками связаться.

Вернулся дед, когда уже темнеть начало. С ним пришла девушка, укутанная в старенький серый платок. Лицо её солдаты не разглядели.

— Вот, знакомьтесь, это товарищ Варя, — сказал дед.

Солдаты пожали девушке руку.

— Я вас поведу. Соблюдать полную тишину, — прошептала товарищ Варя. — Фашисты стреляют без предупреждения. Все пропуска отменены. В городе сам Фельдмаршал со своим штабом. Расположился в школе. К школе снаружи подхода нет. Всё опутано колючей проволокой. Кругом часовые с собаками.

— Плохо дело, — сказал Иван.

— Плохо, да не очень. В городе я вас передам другому товарищу. Он всё городское подземное хозяйство знает, как собственную квартиру. Спуститесь с ним под землю, в люк. И по трубам доберётесь до двора школы.

— А я вас тут поджидать буду, — сказал Дед-Столет.

— Хорошо, — откликнулся Иван, — Если к завтрашнему вечеру не придём, иди обратно в отряд. Скажи Алёше, пусть другую разведку посылает. Не медлит. Прощай.

Двинулись солдаты вслед за товарищем Варей. Перелезали через заборы, прокрадывались глухими дворами, прижимались к стенам домов.

Товарищ Варя в тёмном подъезде передала их другому подпольщику. Усатому.

Усатый сказал:

— Спустимся в люк. Выходить на улицу по одному.

Иван сел на землю, опустил ноги в люк, нащупал ступеньки из прутьев и стал спускаться.

Трубам не было конца. Солдаты проползли всего три квартала, а им казалось, что они пересекли по трубам весь Инск.

Наконец Усатый остановился.

— Кажется, здесь.

С трудом удалось открыть крышку люка. Она оказалась заваленной школьными партами.

Усатый осторожно забрался на гору парт. Внимательно осмотрел двор.

— Часовых нет.

В нескольких окнах школы, несмотря на ночь, горел свет.

Иван дал товарищам знак, чтобы остановились, а сам подполз к зданию. Большой рост позволил ему заглянуть в окно второго этажа. Вероятнее всего, именно там мог находиться кабинет Фельдмаршала.

За одним из окон он увидел того самого рыжего фашиста, который допрашивал их, когда они попали в плен.

Рыжий стоял навтыжку перед креслом с высокой спинкой.

— Начальник разведки и контрразведки, — донёсся до Ивана голос через открытую форточку, — доложил мне, что ты поймал Ивана. Потом упустил Ивана. Потом опять поймал Ивана. А оказывается, ты снова упустил Ивана. Как это понимать? Может быть, мне повесить вместо Ивана тебя?

«Это было бы неплохо», — подумал Иван.

— Господин Фельдмаршал, я клянусь, я клянусь!.. — от страха выстукивая дробь зубами, воскликнул Фриц — Рыжий лис.

— Мне не нужны твои клятвы. Мне нужен Иван, который украл моего любимого адъютанта! Тебя называют Рыжий лис, а ты, оказывается, просто рыжая курица!

— Лис, Лис, — простучал зубами Фриц — Рыжий лис.

— Если ты, наконец, не поймаешь Ивана живого или мёртвого, я собственноручно буду тебя пороть моим любимым ремнём с пряжкой до тех пор, пока ты из живого не превратишься в мёртвого.

Фриц — Рыжий лис ещё громче забил дробь зубами, хотел снова поклясться, но слова застряли в горле.

— Ты меня боишься? Это хорошо. Выпей воды, — сказал Фельдмаршал.

Фриц — Рыжий лис трясущимися руками схватил со стола стакан, выпил из него залпом.

— В-виноват, — прохрипел он. — Я непременно на этот раз поймаю Ивана, господин Фельдмаршал. Он наверняка пойдёт в разведку, раз вы начали передвижение войск. Разрешите только взглянуть на карту, чтобы знать, в каком именно районе вы создаёте «кулак». Там-то я и поймаю Ивана.

«Как бы не так», — подумал Иван и насторожился.

— Достань-ка карту из сейфа. Вот ключ.

Фриц — Рыжий лис ушёл в глубь комнаты и тотчас вернулся с коричневой папкой в руках.

— Закрой форточку. Дует, — приказал Фельдмаршал.

Фриц — Рыжий лис подошёл к окну. Иван отпрянул в сторону, прижался к стене.

Хлопнула форточка.

Больше ничего не было слышно.

Иван вернулся к товарищам. Рассказал им всё.

Решили установить за окном наблюдение и, как только свет в нём погаснет, попытаться открыть окно и проникнуть в комнату.

Вскоре наблюдавший за окном Усатый увидел, как Фельдмаршал встал с кресла, прошёлся по комнате и начал растёгивать мундир. Потом свет погас.

Усатый спустился к товарищам.

— Он лёг спать в этой комнате.

— Тем лучше, — сказал Иван. — У него ключи от сейфа.

— А может, самого Фельдмаршала утащить? — предложил Николай.

— Хорошо бы, да как ты его потащишь по трубам, такого толстого? А другого пути нет.

Решили ограничиться картой.

Прождали ещё час. Во дворе было тихо. Только где-то за домом изредка побрёхивали собаки.

Иван снова со всеми предосторожностями подполз к стене под окном. Следом подползли Николай и Усатый. Подставили спины. Иван забрался на них. Открыл форточку. Просунул руку. Нашупал шпингалеты. Легонько нажал на раму. Окно открылось. Фельдмаршал спал на своём походном диване. Почувствовав холод, он натянул пуховое одеяло на голову.

Иван осторожно влез в окно. Бесшумно подошёл к висящей на спинке стула одежде, пошарил в карманах.

Нашёл связку ключей. Открыл сейф. Достал из него коричневую папку с картой и другие документы.

Потом написал на клочке бумаги огрызком карандаша:

«Привет Рыжему. Иван».

Положил эту бумажку в сейф. Закрыл замок. Водворил ключ обратно в карман фельдмаршальских штанов. Вылез наружу и прикрыл за собой окно.

Обратно пробирались тем же путём.

Попрощались с Усатым. Товарищ Варя вывела солдат за город.

Дед-Столет очень обрадовался, когда увидел их живыми и невредимыми.

Взошедшее солнце застало солдат в пути. Они шагали лесной тропинкой. Впереди — Дед-Столет.

— Интересно, какое будет лицо у фашистского Фельдмаршала, когда он проснётся? — весело спросил Иван.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Фельдмаршал просыпается

Фельдмаршал проснулся в отличном настроении. Всё идёт прекрасно! Никто не потревожил его сна этой ночью. Полки по его приказу собирались в «кулак». Наступление советских войск будет сломлено.

Фельдмаршал позвонил. В дверях появился дежурный офицер. Щёлкнул каблуками. Пожелал доброго утра. Положил на стол сведения о передвижении войск.

Фельдмаршал достал из кармана штанов связку ключей и открыл сейф, чтобы нанести на карту новые данные.

Сейф был пуст. Только на самом дне лежал клочок бумаги. Всё ещё не понимая, что произошло, Фельдмаршал взял клочок. Прочёл:

«Привет Рыжему. Иван».

Какой привет?

Какой Иван?

Фельдмаршал ещё с минуту тупо глядел в тёмное нутро сейфа.

Потом перед глазами его поплыли круги, он зашатался и упал бы, если бы не успел сесть на свой походный диван.

Всё. Конец. Если не найдётся оперативная карта, он опозорен на всю жизнь. Да и жизни-то останется каких-нибудь несколько часов. Его обвинят в измене и прикажут казнить!

Фельдмаршал схватился за голову и закачался, тихонько повизгивая. Потом вскочил. Нажал на кнопку звонка и звонил до тех пор, пока не прибежал испуганный дежурный офицер.

— Начальника разведки и контрразведки ко мне! Сейчас же!

Фельдмаршал заходил, пошатываясь, из угла в угол.

Начальник разведки и контрразведки появился, как обычно, внезапно, будто выполз из щели между досками пола.

Фельдмаршал испугался. Замахал руками.

Начальник разведки и контрразведки согнулся пополам и произнёс своё обычное:

— Прощу простить.

— Не прощю! — завизжал Фельдмаршал. Он решил свалить вину за пропажу оперативной карты на Начальника разведки и контрразведки. — Не прощю! — снова провизжал Фельдмаршал. — Вот, читайте.

Начальник разведки и контрразведки взял из рук Фельдмаршала клочок бумаги и прочёл:

«Привет Рыжему. Иван».

— Какому Рыжему? Какой Иван? — недоуменно спросил Начальник разведки и контрразведки.

— А это вам виднее. Ночью был вскрыт мой сейф. И похищена оперативная карта. Вы ведаете разведкой и контрразведкой. Вы недосмотрели. По вашей вине. Так я и доложу.

Начальник разведки и контрразведки понял, что его обвинят в измене и казнят. Он свернулся в клубок.

— Господин Фельдмаршал, не погубите! Что прикажете— всё сделаю.

— Хорошо. Этот самый Иван далеко уйти ещё не успел. Возьмите мои самые отборные войска. Закройте все дороги и тропинки. Чтобы мышь не пробежала, птица не пролетела. Поймайте Ивана. Верните карту. И я буду молчать. Ни одна живая душа не узнает о том, что по вашей, слышите, по вашей вине Иван похитил оперативную карту!

— Слушаюсь! — крикнул Начальник разведки и контрразведки и как сквозь пол провалился.

А через несколько минут поднятые по тревоге фашистские части начали окружать большой район, где шагали наши солдаты вслед за Дедом-Столетом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой Фриц — Рыжий лис видит хвост улетающего самолёта

Солдаты остановились отдохнуть на опушке.

— Сколько ж нам хода до фронта? — спросил Иван.

— Километров двести. А может, и все триста, — ответил Дед-Столет.

— А карта нашему командованию нужна сейчас. Через неделю поздно будет. Да и перехватить её могут фашисты. Наверно, рыщут повсюду.

Иван достал из коричневой папки карту и развернул её, положив на колени.

— Этакое сокровище! Всё обозначено. Где какие войска вражеские стоят. Где какие укрепления. А через неделю всё это может сдвинуться, сместиться.

Дед-Столет вздохнул:

— Человек — не птица. По воздуху не перелетит.

— По воздуху неплохо бы, — прищурился Иван. — Эх, жаль, что я не летчик.

— Я в аэроклубе учился. А что? — спросил Николай.

— Самолётом управлять сможешь?

— Смогу.

— Так бы сразу и говорил! — обрадовался Иван и снова склонился над картой. — Вот тут неподалёку аэродром. Рискнём?

Свернули они с тропинки и пошли прямо через лес, по бездорожью.

Добрались до того места, что на карте обозначено.

Видят — поле огорожено. А в поле самолёты стоят. У шлагбаума — часовые. Неподалёку

цистерны с горючим.

— Дождёмся темноты, — сказал Иван. — Недолго уж. Часового уберём. И — ходу к самолётам.

— Я цистерну подожгу, — предложил Дед-Столет.

— Уйти не успеешь.

— А я и не полечу с вами. Мне только проводить вас приказано. Меня внуки и правнуки ждут.

— А если схватят тебя?

— Я смерти не боюсь. Стар я, чтоб её бояться. А погибну — внуки и правнуки за меня отомстят!

Обнял Иван Деда-Столета:

— Считаю и нас, дед, своими внуками и правнуками.

Как стемнело, подползли Иван и Николай к часовому. Сняли его без шума. Махнул Иван рукой поджидавшим его солдатам. Метнулись пять теней по полю к самолётам. А одна — к складу горючего.

Подбежал Дед-Столет к одной цистерне. Кран открыл. Едко запахло бензином. Чиркнул дед спичку и бросил в бьющую струю. Вспыхнул бензин. Дед еле отскочить успел.

Побежал к шлагбауму, чтобы в лес уйти. Да наскочили фашисты. Схватили деда.

А тут и Фриц — Рыжий лис выскочил из леса со своими автоматчиками и собаками.

— Ага! — кричит. — Поймали Ивана! Теперь не уйдёт!

Растолкал он фашистов.

Подскочил к Деду-Столету. Подёргал его за бороду.

— Это не Иван! Ловите Ивана.

И помчался с автоматчиками и собаками к самолётам.

— Скорее! Скорее!

Да только поздно.

Один из самолётов побежал по полю, оторвался от земли и взлетел в тёмное беззвёздное небо!

Понял Фриц — Рыжий лис, что снова провёл его Иван.

От злости двух своих лучших собак-ищеек пристрелил. Закричал:

— Заводи мотор! Полетим вдогонку за Иваном! Сел Фриц — Рыжий лис со всеми автоматчиками и собаками в самолёт. Завёл лётчик мотор.

Взлетел самолёт в небо. Помчался на полной скорости Ивана догонять.

А Деда-Столета фашисты допрашивать стали.

Только Дед-Столет отвернулся. Ничего не сказал.

Пытать стали — молчит Дед-Столет.

Поняли фашисты, что ни слова от старика не добьются, и казнили его лютой смертью — бросили в огонь.

Поклонились Деду-Столету деревья, поклонились, зашумели и такой ветер своими макушками подняли, что фашисты на землю попадали.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой из двух самолётов долетает только один

Фашистский лётчик был опытнее Николая. Его самолёт летел быстрее. И вскоре Иван и его товарищи заметили, что их догоняют.

Но вдруг из облаков вынырнул самолёт с алыми звёздами на крыльях. Он налетел на самолёт врага. Фашистская машина вспыхнула и стала падать вниз.

— Ур-ра-а! — закричал Иван. — Нашим лётчикам слава!

— Зря радуешься, — нахмурился Николай. — Сейчас он примется за нас. Он же не знает, что мы свои! Ведь мы на фашистском самолёте!

И верно, красnozвёздный истребитель развернулся и стал к ним приближаться.

— Жмись к земле. Надо, чтобы он не расстрелял нас, а посадил на свой аэродром.

Советский лётчик заметил, что фашистский самолёт сбавил скорость. Он прижал его к земле и повёл на аэродром.

Николаю удалось благополучно приземлиться. Только у товарищей поприбавилось синяков и шишек.

Не успели они вылезти из самолёта, как их окружили советские солдаты. Рослый старшина сержант скомандовал по-немецки: «Хенде хох!»

— Да мы русские, — засмеялся Иван.

— Хенде хох, — упрямо повторил сержант и навёл на них автомат.

Пришлось поднять руки.

Всех пятерых повели в штаб. Под строгим конвоем.

Дежурный младший лейтенант стал допрашивать.

— Кто такие?

— Советские солдаты, — ответил Иван.

Младший лейтенант засмеялся:

— Советские? А как же вы попали на фашистский самолёт?

— Мы его увели у врага из-под носа, — объяснил Иван. — Только об этом поговорим после. А сейчас свяжите меня, пожалуйста, с Генералом.

Дежурный усмехнулся:

— А младшего лейтенанта вам мало?

— Товарищ младший лейтенант, — строго сказал Иван, — нам немедленно необходимо доставить Генералу важные документы.

— Например, какие?

— Например, свежую оперативную карту фашистского фронта, — пояснил Иван и достал из-под шинели коричневую папку.

Младший лейтенант, как только увидел карту, изменился в лице.

— Простите, товарищи. Не поверил, — сказал он и бросился к телефону. — Ромашку. Разъединяйте всех. Освободите линию. Сверхважный разговор. — В трубке что-то защёлкало, загудело. Через минуту младший лейтенант вытянулся — Товарищ Ромашка, докладывает дежурный хозяйства Василька. У нас приземлились на фашистском самолёте пятеро солдат. При них важные документы... Слушаюсь.

Младший лейтенант протянул трубку Ивану:

— Доложите сами.

— Товарищ Ромашка, докладывает солдат Иван.

— Какой Иван? — спросила трубка.

— Тот самый, который вам «жар-птицу» добыл. Мы похитили оперативную карту фашистского Фельдмаршала.

— Берите машину. Мчитесь в штаб. Я вас жду.

— Есть, товарищ Ромашка!

Через два часа Генерал принял солдат у себя. Обнял каждого и приказал представить к высоким правительственным наградам.

— Служим Советскому Союзу! — дружно ответили солдаты.

А на рассвете над фронтом прошли эскадрильи тяжёлых бомбардировщиков и штурмовиков с алыми звёздами на крыльях.

Они шли громить фашистские части, обозначенные на карте, которую доставили Иван и его товарищи.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Иван спасает Генерала

Настали радостные дни. Наши войска перешли в наступление. А разве может быть для солдата радость большая, чем бить ненавистного врага, шаг за шагом, пядь за пядью сметать его с родной земли.

Вместе с товарищами бил фашистов и солдат Иван. Он стал ещё больше ростом, ведь он рос не по годам, а по делам. Генерал хотел даже отправить Ивана в тыл. Уж очень хорошей мишенью был он для врагов.

Но Иван ответил Генералу строго:

— Меня пуля в грудь не берёт. А спину я врагу не показываю.

Ничего не сказал Генерал, только рукой махнул. И остался Иван в своей части.

Наступая, вышла Иванова часть к реке. Река широкая, глубокая. По утрам тот берег, где фашисты засели, не виден: туман над рекой висит сырой, клочкастый.

Приехал к реке Генерал. Стал на противоположный берег в бинокль глядеть. Потом опустил бинокль, задумался.

Иван неподалёку в свежевырытом окопе сидел. Попросил у Генерала бинокль: любопытно было на тот берег взглянуть.

Дал Генерал бинокль. Стал Иван тот берег разглядывать. Близким он кажется. Будто протяни руку и обломаешь веточку с куста. А кусты редкие, лист облетел, осень.

Вдруг один куст дрогнул, и увидел Иван нескольких фашистов, один из них вроде бы знакомый. Ба! Да это ж сам фашистский Фельдмаршал!

Доложил Иван Генералу, что Фельдмаршала видит. Глянул Генерал в бинокль.

— Ишь как руками разводит. В нашу сторону и не глядит, не думает, что мы здесь, в таком широком месте, через реку переправляться будем. А мы его обманем. Переправимся. Завтра же на рассвете на том берегу будем, голубчик!

Как стемнело, бесшумно двинулись к реке сапёры. Потасили лодки, понтоны, надутые автомобильные камеры, пустые железные бочки, — всё, что могло на воде держаться.

Только зорька стала заниматься — солдаты к реке. Кто на лодках, кто на плотках из бочек, кто по понтонам— двинулись к невидимому в тумане противоположному берегу.

Пока плыли, оторвался туман от воды.

Заметили фашисты наших солдат. Ударила артиллерия. Зарябили воду пулемётные очереди. Покраснела речная вода от солдатской крови.

Увидел Генерал, что туго солдатам приходится, вытащил из кобуры пистолет и сам бросился на зыбкий понтонный мостик.

Иван с товарищами следом побежали.

Вдруг рядом снаряд громыхнул. Водой Ивана окатило. Отёр рукавом глаза — нет впереди Генерала. А возле пробитого понтона водоворот фуражку с красным околышем крутит.

Нырнул Иван как был — в шинели, сапогах, с автоматом— в воду. Видит: Генерала течением несёт. Схватил за шинель, потащил за собой. Из последних сил рукой гребёт.

Вдруг — встал ногами на твёрдое дно. До берега далеко, река глубока, а Иван на дне стоит, и вода ему только до подбородка! И чего ж тут удивляться? Росту Иван высокого, а когда за Генералом в реку прыгнул, ещё выше стал.

Вынес Иван Генерала на берег. А берег уж наш, выбили советские солдаты фашистов из их укреплений. Остался фашистский Фельдмаршал с носом.

Подхватили Генерала санитары. Понесли.

Недели через три, когда часть Ивана, гремя фашистов, продвинулась далеко на запад, наступила короткая передышка.

Солдаты чистились, штопали одежду, отдыхали и вели тихий разговор о том, кто как будет жить, когда окончится война.

— Я, — сказал Николай, — вернусь на свой завод. В свой цех. Очень я по работе соскучился.

— А я, — сказал его сосед, тот, что был контужен, когда подбивали танки, — я опять буду учить

детей в школе, буду рассказывать, как мы били фашистов, себя не щадя, и какие у нас в части служили замечательные солдаты.

— А я, — сказал Иван, — учиться буду. Не смотрите, что большой, всё равно за парту сяду. Пускай смеются!

— Да кто ж над тобой, солдат, смеяться посмеет? — сказал кто-то у дверей. — Не для того мы воюем, чтобы солдат неучем оставался.

Обернулись солдаты на голос. Глядят — и глазам не верят: стоит в дверях их Генерал.

Вскочили солдаты. Вытянулись. Улыбаются.

— Живой я, живой, — засмеялся Генерал. — Спасибо тебе, Иван.

Шагнул Генерал к Ивану, обнял его и поцеловал.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой Иван получает посылку

Незнакомые люди из разных уголков страны посылали солдатам к празднику подарки. Близилась годовщина Великого Октября. Получила посылки и часть, в которой служил Иван. На одном маленьком ящичке надпись была:

«Лучшему солдату».

Думали-прикидывали, кто лучший солдат в части. И решили отдать эту посылку Ивану.

Раскрыл Иван ящичек, а там — кисет искусно расшитый, и на нём надпись золотой ниткой: «Береги Родину пуще глаза».

Пошёл кисет по рукам. Дивились солдаты вышивке. А когда вернулся кисет к Ивану, раскрыл он его, чтобы всыпать табак. Глядь, а там письмо. И начиналось оно теми же словами, что вышиты были на кисете:

«Береги Родину пуще глаза! Не щади врага! Я старая женщина.* Старший сын мой погиб, средний без вести пропал, младший воюет. Здесь, на Урале, мы сил не жалеем, чтобы тебя, солдат, вооружить, одеть, обуть, накормить. Бей врага лютого! Целую тебя, солдат, и благословляю.

Мария Ивановна».

Прочёл Иван это письмо и заплакал.

— Ты чего, Иван? — спросил старшина.

— Да ничего. От радости я. Посылку эту и письмо мать моя послала. Думал, нет её в живых. Побывал в нашем селе фашист. Сколько ни писал ей — безответно. А она на Урале объявилась. Вот, старшина, счастье какое!

Расправил Иван кисет, положил на пенёк, на него письмо, а сверху — материнского хлеба краюшку. А хлеб-то опять свежий, и пахнет от него родным домом. А вокруг пня из земли молоденькая светлая травка прямо на глазах выползала. То ли осень за весну приняла, то ли сыну материнский привет передавала.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой снова появляется Фриц — Рыжий лис

Храбро воевали Иван и его товарищи.

Сколько деревень освободили! Сколько городов — и не сосчитать!

Всюду люди обнимали наших солдат. Руки пожимали. Благодарили.

Гасли на их пути пожары.

Отряхивалась земля от пепла.

Зацвели цветы.

Матери гордились своими сыновьями.

Но где бы ни воевал Иван, в какой бы город ни входил, — тенью следовал за ним Фриц — Рыжий лис.

В ту ночь, когда загорелся и упал фашистский самолёт, все погибли: и лётчик, и автоматчики, и собаки. Только Фриц — Рыжий лис успел выбраться из горящего самолёта и перед самой

землём раскрыть парашют.

Фашиста с такой силой ударило о дерево, что он потерял сознание.

Очнулся только на другой день. Но уже ничего не помнил. Ни кто он, ни откуда, ни как его зовут. Только одна мысль всё ещё вертелась в его помутившейся голове: надо найти и убить Ивана, найти и убить Ивана, найти и убить Ивана.

Фриц — Рыжий лис добрёл лесом до деревни. Но входить в неё не решился. У него была чёрная совесть, и он боялся людей и солнечного света.

Ночью стащил с огородного пугала рваный пиджак и соломенную шляпу и — бежать. В лесу переоделся и сам стал похож на огородное пугало.

В таком виде, притворяясь глухим и немым, Фриц — Рыжий лис отправился разыскивать Ивана.

Люди, с которыми он иногда сталкивался, не знали, что он фашист. Жалели. Кормили его. Дали теплый полушубок и валенки.

Они не знали, что под рваным пиджаком рыжий «глухонемой» прячет поганый пистолет с кривым дулом. Не знали, что он только и ждёт случая, чтобы выстрелить из этого пистолета в

Ивана. В спину, предательски, из-за угла.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой Фельдмаршалу приходит конец

Ранней весной прорвались наши войска к самому логову фашизма — Берлину.

Как быстро ни удирали от наступающих советских армий фашистский Фельдмаршал со своим штабом, наши солдаты двигались быстрее.

И случилось так, что на самых подступах к Берлину Фельдмаршал попал в «котёл». Окружили его штаб со всех сторон.

Позвал Фельдмаршал к себе Начальника разведки и контрразведки.

— Как думаете меня спасти?

Засмеялся Начальник разведки и контрразведки прямо в лицо Фельдмаршалу:

— А никак, господин Фельдмаршал. Мне бы самому ноги унести!

Побледнел Фельдмаршал, завизжал своим бабьим голосом:

— Измена! Я прикажу вас расстрелять.

— Руки коротки! Приказывать-то некому! Вон ваши солдаты в плен русским сдаются, погибать не хотят!

— Тогда я вас сам расстреляю! — закричал Фельдмаршал и схватился за пистолет.

— С тем и до свидания, — прошипел Начальник разведки и контрразведки. — Я себе, если жив буду, новых хозяев найду, поумнее вас. — И исчез, как сквозь землю провалился.

Тут неподалёку стрельба началась. Перепугался Фельдмаршал, скинул свой мундир с крестами, снял с убитого фашиста форму рядового, еле-еле на себя напялил. Ничего, что тесноват, зато с простого солдата меньше спроса!

Рядом раздалось грозное «хенде хох». Поднял Фельдмаршал руки, посинел от страха.

Подошли к нему советские солдаты, впереди всех — солдат огромного роста.

— Давай и этого к остальным.

Обрадовался Фельдмаршал, что его с простыми фашистами перемешают и не узнает никто, что он сам фашистский Фельдмаршал.

Вдруг огромный солдат сказал:

— А ну, стой, ребята. Сдаётся мне, что я где-то этого фашистского солдата встречал. Ба! Да это ж сам господин Фельдмаршал. Мы с ним давно знакомы!

— Нет, нет, — запищал Фельдмаршал по-русски, — я не есть Фельдмаршал, я есть простой солдат!

— Ты мне сказки не рассказывай! Я у тебя из кабинета лично карту похитил. Я тебя лично знаю.

— Кто ты? — в ужасе пролепетал Фельдмаршал.

— Я-то? Простой советский солдат Иван.

— Иван? — прошептал Фельдмаршал и понял, что погиб. Хотел выпить яд, чтобы избежать позора, но не успел. И умер просто так, от страха.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, суровая и скорбная, в которой смерть превращается в бессмертие

Так и дошёл Иван до Берлина, неся на своих могучих плечах свободу. В руках у него был неразлучный друг — автомат. За пазухой — краюшка материнского хлеба. Так и сберёг краюшку до самого Берлина.

9 мая 1945 года разгромленная фашистская Германия сдалась. Смолкли орудия. Остановились танки. Отвыли сигналы воздушных тревог.

Тихо стало на земле.

И люди слышали, как шуршит ветер, растёт трава, поют птицы.

В этот час попал Иван на одну из берлинских площадей, где ещё догорал подождённый

фашистами дом.

Площадь была пуста.

И вдруг из подвала горящего дома вышла маленькая девочка. У неё были тоненькие ножки и потемневшее от горя и голода лицо. Нетвёрдо ступая по залитому солнцем асфальту, беспомощно протянув руки, будто слепая, девочка пошла навстречу Ивану. И такой маленькой и беспомощной показалась она Ивану на огромной пустой, будто вымершей площади, что он остановился, и сердце его стиснула жалость.

Достал Иван из-за пазухи драгоценную краюшку, присел на корточки и протянул девочке хлеб. Никогда ещё краюшка не была такой тёплой. Такой свежей. Никогда ещё так не пахла ржаной мукой, парным молоком, добрыми материнскими руками.

Девочка улыбнулась, а худенькие пальцы вцепились в краюшку.

Иван осторожно поднял девочку с опалённой земли.

А в этот миг из-за угла выглянул страшный, обросший Фриц — Рыжий лис. Что ему было до того, что кончилась война! Только одна мысль крутилась в его помутившейся фашистской голове: «Найти и убить Ивана, найти и убить Ивана».

И вот он, Иван, на площади, вот его широкая спина.

Фриц — Рыжий лис достал из-под пиджака поганый пистолет с кривым дулом и выстрелил предательски из-за угла.

Пуля попала Ивану в самое сердце.

Дрогнул Иван. Пошатнулся. Но не упал — побоялся девочку уронить. Только почувствовал, как тяжёлым металлом наливаются ноги. Бронзовыми стали сапоги, плащ, лицо. Бронзовой — девочка на его руках. Бронзовым— грозный автомат за могучими плечами.

С бронзовой щеки девочки скатилась слеза, ударилась о землю и превратилась в сверкающий меч. Взялся бронзовый Иван за его рукоятку.

Закричал Фриц — Рыжий лис от ужаса и страха. Дрогнула от крика обгоревая стена, рухнула и похоронила его под собой...

И в ту же минуту краюшка, что оставалась у матери, тоже бронзовой стала. Поняла мать, что страдась с сыном беда. Кинулась на улицу, побежала, куда сердце повело.

Спрашивают её люди:

— Куда, мать, торопишься?

— К сыну. С сыном беда какая-то!

И подвозили её на машинах и на поездах, на пароходах и на самолётах. Быстро добралась мать до Берлина. Вышла она на площадь. Увидела своего бронзового сына — подкосились у неё ноги. Упала мать на колени да так и замерла в вечной скорби своей.

К подножию памятника зимой и летом несут благодарные люди цветы.

Пришли сюда и Алёша с Алёнушкой, внуки и правнуки Деда-Столета. Постояли молча, склонив голову. И сложили люди об Иване эту сказку.

А бронзовый Иван с бронзовой девочкой на руках и по сей день стоит в городе Берлине — всему миру виден. А присмотришься — заметишь между девочкой и широкой Ивановой грудью бронзовую краюшку материнского хлеба.

И если на Родину нашу нападут враги, оживёт Иван, бережно поставит девочку на землю, поднимет свой грозный автомат и — горе врагам!

Вечная слава солдату Ивану!

